

ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНЫЕ ФОРМЫ НЕЯВНОЙ ПРОПАГАНДЫ НАЦИЗМА КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Реалии современного социокультурного мира актуализируют проблему формирования профессиональной методологической программы, позволяющей эффективно работать с материалами, содержащими нацистскую символику и атрибутику. Общественные ожидания в этом случае возлагаются на культурологическую экспертизу, задачей которой является установление соответствия / несоответствия ценностного и смыслового содержания исследуемых культурных текстов действующим нормам. Автор предлагает анализ отдельных форм скрытой пропаганды нацизма, разрушающей основы национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: культурологическая экспертиза; национально-культурная идентичность; отечественная культура; пропаганда; демонстрация; нацистская символика и атрибутика; нацистская идеология.

Нынешняя политика государства демонстрирует попытки восстановления духовного единства российского общества, актуализирующие поиск его скрепляющих принципов. На новом историческом этапе вновь ставится задача осмысления базовых составляющих культурной и национально-культурной идентичности, реализующейся в коллективном формате. Уникальность отечественной модели культурной идентичности обусловливается интегративной природой, включающей разнообразные (национальные, религиозные, социальные, а также ценностно-смысловые, нормативно-традиционные и др.) уровни. Институциональные же формы поддержки общекультурного единства, безусловно, являются заботой государства. Именно государство, формируя особое символическое пространство, насыщенное ценностно-смысловым содержанием, закрепляя образы, нормы и стили, передавая мифы и истории, интегрирует социокультурное пространство, создавая необходимые условия для социального взаимодействия и личностной самореализации [1. С. 263]. К инструментам же, способным обеспечить единство общества через формирование его коллективной идентичности (понимаемой как осознание тождества и различий с людьми, включенными в другие общности), относят осмысление и трансформацию передаваемой поколениями культурной информации, наделяемой особым ценностно-смысловым содержанием.

В ряду подобного рода значимой информации – события Великой Отечественной войны, которые, представляя наше общее историческое прошлое, становятся уникальным компонентом национально-культурной идентичности. На это указывает, в том числе, сформировавшаяся система художественных образов, воплощающих военную тематику в отечественном искусстве. Знаково-символическая структура подобной репрезентативной модели и сегодня остается неизменной по своим содержательным и морально-этическим составляющим. Более того, ее смысловая и аксиологическая устойчивость приобретает конвенциональный характер. Свастика, фасции, атрибуты немецкой униформы, приветственные жесты, факельные шествия и тому подобные изображения с позиции представителя русского мира содержат идеологические смыслы нацистской Германии (либо фашистской Италии). Подобная смысловая укоренен-

ность таких означающих остается важной составляющей национально-культурной идентичности российского общества и в определенной степени влияет на внутренние и межкультурные контакты. Так, особым коммуникативным маркером в межкультурных взаимоотношениях является безальтернативно негативная оценка идеологии нацизма и демонстрации нацистской символики. Вместе с тем, как показывает практика, выход из единого пространства культурной памяти (через механизм пересмотра некогда общих культурных смыслов и ценностей) инициирует поиск новой идентичности, что становится причиной деструктивного коммуникативного поведения.

В свете указанных процессов законодательное закрепление негации по отношению к демонстрации нацистской атрибутики и символики становится попыткой укрепления фундамента культурного единства России. Принятый Государственной думой Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» запрещает «использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах» [2]. Несмотря на усилия правового характера оградить общество от реставрации нацистской идеологии, существует серьезная проблема распространения ее элементов в разнообразных изобразительных формах в пространстве современного искусства и масс-медиа. Систематически обнаруживаются примеры как явных, так и скрытых форм пропаганды нацизма, провоцирующих этический релятивизм и неоднозначность толкования фактов истории, вердикт которым не подлежит пересмотру и является неотъемлемой составляющей культурной памяти российского общества. Вместе с тем художественно-образные системы, содержащие нацистскую символику, требуют адекватного и взвешенного анализа. С одной стороны, опасно игнорировать распространение нацистской символики, ссылаясь на постмодернистский характер современного культурного пространства, допускающего морально-этический и эстетический релятивизм. С другой стороны, неверно огульно криминализовать любое изображение, включающее нацистскую символику, вне анализа контекста и характера его применения.

Таким образом, реалии современного культурного мира актуализируют проблему формирования профессиональной методологической программы, позволяющей эффективно работать с подобными материалами. Общественные ожидания в этом случае возлагаются на культурологическую экспертизу, в широкое предметное поле которой входят исследования знаков коммуникации, связанные с определением нарушений моральных норм в разного рода текстах [3]. Однако ее принципы и методы находятся в стадии разработки и являются предметом активных дискуссий [4]. Целью статьи является попытка представить анализ отдельных форм скрытой пропаганды нацизма, что может оказать теоретико-методологическую помощь в процессе их выявления.

Прежде всего, обратимся к понятиям «пропаганда» и «публичное демонстрирование», ориентирующим экспертную практику. Поскольку данные понятия являются ключевыми в формулировке принятого Государственной думой Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», постольку они важны для процедуры выявления легитимности / нелегитимности изображений. Так, в ст. 6 ФЗ «Борьба с проявлениями фашизма» установлен запрет на использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющий многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах; установлен запрет на пропаганду либо публичное демонстрирование атрибутики или символики организаций, признанных преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с Нюрнбергским трибуналом [2].

Демонстрация нацистской символики рассматривается в качестве действий, благодаря которым ее восприятие становится доступным (публичное выставление, воспроизведение на страницах печатных изданий или в фото-, кино- и видеоматериалах и т.п.). Под пропагандой (лат. *propaganda* – распространение) понимается деятельность по распространению знаний, художественных ценностей, информации с целью формирования определенных взглядов и представлений, в том числе целенаправленное распространение в массах той или иной идеологии и политики, влияющие на общественное мнение [5]. К пропагандистскому инструментарию относят манипуляционные технологии, осуществляемые посредством разного рода символов (слов, жестов, плакатов, отличительных знаков и проч.). Средствами пропаганды могут выступать практически любые виды и жанры искусства, а также технические виды воздействия на общественное сознание (СМК, ТВ, Интернет и т.п.). В основе любого пропагандистского сообщения лежит идеологически окрашенная информация, несущая определенную – ангажированную оценку. Формы же выражения оценки могут быть различны: «от внешне нейтральной констатации фактов до эмоционального призыва – лозунга» [6]. При этом пропаганду как коммуникационный процесс отличает мощная целевая направленность, в том числе инициирование практических действий. В этом случае психосеманти-

ческие формулы в виде вербальных либо визуальных текстов становятся «руководством к действию» [6]. Здесь возникает вопрос: остается ли действенной пропагандистская функция образной системы в условиях иной историко-культурной реальности? Отвечая на него отрицательно, мы можем апеллировать к тому, что пропагандистская «начинка» идеологических конструкций активна исключительно в контексте «своей» эпохи. В случае же перемещения в иную социокультурную среду специфические художественно-образные приемы, формирующие оценочный контекст доносимой информации, могут терять эту функцию. Соответственно, идеологически ангажированная система знаков (например, свастика или эмблема СС), включенная в художественную модель иного рода, теряет свой первоначальный пропагандистский характер.

Следует заметить, что данная позиция интерпретатора легитимирует полисемантизм и отказ от однозначной этической оценки по отношению к новой художественно-образной конструкции. Положительный ответ на поставленный выше вопрос позволяет привлечь внимание к опасности возрождения аутентичного содержания нацистской символики и образов. В основе наших подозрений предположение, что веер интерпретаций, нейтрализующий доминанту пропагандистского характера, не устраняет их бесследно. При определенных условиях изображение, включающее нацистскую символику, репрезентирует первоначальные смыслы, несмотря на художественно-образное алиби инородной системы. Именно в этом, мы полагаем, содержится опасность демонстрации указанных элементов, за визуальной констатацией которых может стоять подспудное разрушение основ национально-культурной идентичности. Обозначим ряд условий, провоцирующих реанимацию идеологического содержания нацистской символики.

Прежде всего, нельзя обойти вниманием множество форм открытой пропаганды фашизма. К ним относят публичность проводимых нацистских акций; пропаганду объективности фашистской идеологии, являющуюся следствием практики двойных стандартов в отношении антифашистских инициатив; популяризацию фашизма, выраженную в ношении обмундирования, атрибутов, распространении сайтов; активизацию участников войск вермахта или СС; распространение электронных игр с соответствующей тематикой и т.д. [7].

В отличие от подобных случаев, оперирующих демонстративным набором знаков и символов нацистской идеологии, существует немало примеров ее неявных форм выражения. Среди таковых можно рассматривать демонстрацию образцов пропагандистского искусства Третьего рейха (в виде первоисточников либо их стилизации, ретроимитации), лишенную какого-либо авторского комментария. Создаются нейтральные репрезентативные условия, при которых минимизируется оценочный контекст. На усмотрении реципиента (обладающего собственным культурно-историческим опытом) и интерпретация содержания демонстрируемых образов, и их этическая оценка. Однако ценностно-смысловой нейтралитет здесь соблюсти невозможно как минимум по двум причинам.

С одной стороны, данная знаково-символическая система становится объектом адекватной оценки (морально-этической, историко-политической и т.п.) согласно традициям и нормам отечественной культуры. Необходимо вспомнить, что в немецком агитплакате эпохи Третьего рейха и в заказном политизированном искусстве «Стаальной романтики» сложилась знаковая система отличительных символов и образов, обслуживающих идеологию (свастика, фюллер, СС, знаки военных отличий и проч.). Сформировалась стилевая модель, которую характеризовал узнаваемый набор средств выразительности: приемы монументализации образов, их особое пластическое решение, нацеленное на передачу гармоничных, атлетических пропорций телесности, соответствующих античному идеалу; идеализация черт лица, типизация и реалистическая выразительность внешности, характерные движения и т.п. Таким образом, с позиции отечественной культурной традиции содержательной основой художественно-образной системы искусства Третьего рейха в целом, как и ее отдельных элементов, является идеология нацизма. Так, свастика в рамках данной визуальной традиции не может рассматриваться в качестве нейтрального эстетического объекта, представляющего самого себя либо древнеархаичный солярный символ.

С другой стороны, не секрет, что сегодня существует аудитория, не включенная в контекст исторической памяти, характеризующей национально-культурную идентичность; не приобщенная к ценностно-смысловым установкам отечественной культуры. Такие зрители, сталкивающиеся с подобной формой демонстрации художественно-образной системы, содержащей нацистскую символику, не застрахованы от влияния изначально заложенных пропагандистских смыслов. Важным механизмом, подчеркнем, здесь является минимизация комментария, выраженная в демонстративном отказе от любого рода изобразительных приемов (сопроводительных надписей, техник коллажа, цветовых и композиционных приемов и пр.), формирующих интерпретационный контекст предъявляемого материала и направляющих «неосведомленное» восприятие. Благоприятной почвой для подобных материалов становится Интернет, где можно обнаружить и «сомнительную» графику на тему Второй мировой войны с образами нацистов, и плакаты в стиле ретро, на поверку оказывающихся откровенной рекламой неонацистских сайтов.

Выделим еще одну разновидность скрытой пропаганды нацизма, использующей аналогичный механизм псевдонейтральной демонстрации, при которой, тем не менее, демонстративно купированы негативные смыслы феномена нацизма. Материал на тему Второй мировой войны подается таким образом, что однозначность оценки фашизма / нацизма оказывается проблематизирована. Лидеры фашизма представлены как обычные люди со слабостями и достоинствами вне контекста совершенных преступлений против человечества. Подобные примеры однобокой демонстрации Гитлера, Муссолини или Франко без учета их деяний (концлагерей, геноцида и т.п.) иссле-

дователи предлагают рассматривать в качестве открытой и безбоязненной пропаганды фашизма [7]. Однако подчеркнем, что в данном случае имеет место противоположная открытой пропаганде стратегия непризывного, вкрадчивого характера. Она нацелена не на прямое распространение идеологии и политики нацизма, а на формирование амбивалентного к нему отношения, подспудно разрушающего ценностную парадигму отечественной культуры. Практика показывает, что наиболее активно используются архивно-документальные первоисточники (фото- и видеоматериалы, включая живопись), демонстрирующие А. Гитлера, представителей Вермахта, высшего военного руководства Третьего рейха, а также рядовых членов национал-социалистической партии Германии. Помимо помпезных сцен военных парадов и факельных шествий, нацисты представлены в окружении детей, цветов, на отдыхе, в моменты оперативных совещаний в уютной обстановке и т.п. Как и в первом случае, основное опасение вызывает контекстуальная неопределенность, от которой могли бы застраховать множество разнообразных приемов начиная с политики подборки материалов и художественных средств, упомянутых выше. Отсутствие же идейно-смыслового контекста, помещающего визуальный ряд в негативный, критический, историко-просветительский, сатирический либо иной другой формат интерпретации, провоцирует этический релятивизм. Наряду с негативным содержанием (антигуманизм, антиинтеллектуализм, шовинизм, антисемитизм), закрепленным за данной системой образов, предлагается позитивная концепция «человеческого лица фашизма». В итоге «безобидные» изображения получают самодостаточный характер и исподволь транслируют изначально заложенные смыслы, а именно прославления и пропаганды фашизма.

Следующей формой неявной пропаганды нацизма, на наш взгляд, является включение нацистской символики и образов в принципиально инородную художественную систему. В качестве примера (имеющего место в экспертной практике) можно рассматривать совмещение путем коллажа изображений нацистов и христианских образов. Целенаправленно конструируется такая образная, цветовая и композиционная структура коллажа, при которой ключевые образы, воплощающие две несовместимые системы ценностей, сосуществуют бесконфликтно. Если для подобной «игры со смыслами» используется архивно-документальное изображение Адольфа Гитлера и иконописный образ Иисуса, то, будучи встроенными в подобную единую художественную систему, они теряют свою оппозиционность. Примиряются две несовместимые парадигмы. Диссонанс между образом Гитлера (воплощающим идеологию тоталитаризма и антигуманизма) и образом Иисуса (символом христианских, гуманистических ценностей православной культуры) дезавуируется при помощи специальных художественных средств и приемов. В итоге формируется неопределенное по содержанию и морально-этическим установкам изображение. В данном случае следовало бы оценить потенциальное много-

образе интерпретаций, но вызывает сопротивление тот факт, что ценностно-смысловой релятивизм оказывается действующим на территории норм и традиций отечественной культуры.

Завершая наши рассуждения, обратим внимание на проблему иного рода. Среди основных задач культурологической экспертизы – установление соответствия / несоответствия действующим правилам и нормам социокультурной действительности ценностно-смыслового содержания исследуемых материалов. Работа с культурными текстами (визуальными, аудиовизуальными, вербальными и пр.) требует взвешенного подхода, опирающегося, в том числе, на законодательную базу. Между тем серьезные опасения вызывает новая формулировка Федерального закона, потенциально криминализирующая любые изображения, включающие нацистскую символику и атрибутику, вне учета контекста их использования. В соответствии с внесенными поправками от 4 ноября 2014 г. № 332-ФЗ в ст. 6 ФЗ формулировка «запрещается пропаганда и публичная демонстрация» заменена на формулировку «запрещается пропаганда *либо* публичное демонстрирование» указанной атрибутики и символики [2]. Тем самым задается установка на равнозначную «ненормативность» как пропагандистского содержания (с чем мы не спорим), так и факта демонстрации. Но если к выявленным признакам пропаганды фашизма однозначно отрицательное отношение, то демонстрация указанных образов и символов не во всех случаях эти признаки имеет. Будучи объектами культурологического / искусствоведческого анализа, они не могут рассматриваться вне общей системы образов, в которую помещены. Принципиальное значение имеет контекст, включая показанные выше способы его минимизации. Нелегитимное изображение (к примеру, свастика) может включаться в художественно-образную систему в качестве особого символа, выполняющего принципиально иные – не пропагандистские – задачи. В ряду подобных примеров следует рассматривать использование свастики в качестве метафоры. Известно, что метафоризация как художественный прием входит в практику политической публицистической сатиры [8, 9]. Стремление же представить в максимально невыгодном виде явление, подвергаемое острой критике, нередко приводит к метафоризации на базе негативных исторических параллелей. Однако мировая художественная практика показывает, что при использовании метафор актуализируются не все, а лишь отдельные компоненты значений используемой образной системы, на основе которой происходит сравнение и устанавливается сходство. В этом случае выполняется основная функция публицистической карикатуры – осмеяние и

разоблачение каких-либо общественных явлений, что нейтрализует экстремистскую и пропагандистскую природу используемых знаков. Сатира как жанр борется с порочными явлениями, социальными недостатками, негативными проявлениями в общественной жизни, показывая его в нелепом виде. Усиливает эффект воздействия использование негативных образов, так как обращение автора к аудитории в данном случае носит ярко окрашенный эмоциональный характер [9]. Однако при подобных типах визуальной метафоризации не задействована основная часть семантических составляющих феномена нацизма (оскорбительных и недопустимых с точки зрения общественной морали). Таким образом, мы полагаем, что демонстрация запрещенной символики, помещенной в метафорический и сатирический контекст, лишается своей агитационно-пропагандистской функции и не может характеризоваться в качестве действий, направленных на внедрение в общественное сознание идеологии нацизма.

Подводя итоги, подчеркнем, что наряду с открытой пропагандой фашизма опасны и разрушительны ее скрытые формы выражения. В ряду подобных примеров мы выделили, во-первых, создание нейтральных ценностно-смысловых условий демонстрации образцов немецкого пропагандистского искусства Третьего рейха; во-вторых, однобокую подачу материалов, купирующую негативное содержание нацистских образов, нацеленную на формирование «человеческого лица» его лидеров; в-третьих, включение нацистской символики и образов в принципиально инородную художественную систему, провоцирующее неопределенность ценностно-смыслового содержания. Во всех трех случаях действующим механизмом, реанимирующим пропагандистский характер образов, является стратегия их псевдонейтральной демонстрации, т.е. минимизации приемов, формирующих интерпретационный контекст.

Таким образом, приходится иметь дело не с прямым распространением идеологии и политики нацизма, а с явлением, «дезориентирующим» восприятие феномена нацизма, что подспудно разрушает ценностную парадигму отечественной культуры. Мы полагаем, что самосохранение национально-культурной идентичности обуславливает, в том числе, наличие табуированных областей, на которые не распространяется этический и смысловой релятивизм, характеризующий постмодернистское мышление. Сама социокультурная реальность показывает, насколько не безобидны игры со смыслами, жонглирующие нацистской символикой в современном культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Человек в поисках идентичности. 2010. Т. IV. С. 255–281.
2. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (с изменениями и дополнениями. URL: <http://base.garant.ru/1518946>
3. Садохин А.П. Теоретико-методологические ресурсы культурологической экспертизы // Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое издание. 2012. № 3 (9). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/148.html&j_id=11
4. Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт / сост. Н.А. Кривич. СПб.: Астерион, 2011. 590 с.

5. Большая Советская энциклопедия : в 30 т. М. : Сов. энциклопедия, 1969–1978. URL: <http://slovari.yandex.ru>
6. Современный энциклопедический словарь. URL: <http://encyclopediaic.slovaronline.com>
7. Пырин А.Г. Новые тенденции в пропаганде фашизма / Журнальный клуб Интелрос // Вестник Российского философского общества. 2011. № 3. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-3-59-2011>
8. Зыкун Н. Сатирические жанры в жанровой палитре журналистики: обобщение современных научных подходов // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом : сб. науч. трудов. Белгород : Константа, 2014. С. 200–209.
9. Артемова Е.А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. С. 175.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 12 февраля 2015 г.

ARTISTICALLY-SHAPED IMPLICIT PROPAGANDA OF NAZISM AS A SUBJECT OF CULTURAL EXPERT STUDY

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 104-108. DOI 10.17223/15617793/393/16

Savelieva Elena N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: limi77@inbox.ru; kulturtsu@yandex.ru

Keywords: cultural expertise; national-cultural identity; national culture; propaganda; demonstration of Nazi symbols and attributes; Nazi ideology.

Current government policy demonstrates an attempt to restore the spiritual unity of the Russian society. There is a task of understanding the basic components of national cultural identity, which is realized in a collective format. Tools to ensure the unity of society through the formation of its collective identity include the preservation of cultural information, giving special value-semantic content. In a series of such events is the Great Patriotic War, which, representing the common historical past, becomes a unique component of the national-cultural identity. This is indicated by the formation of the system of artistic images that embody the military theme in art. A symbolic model, including Nazi symbols and attributes, remains one of the representatives of the Russian world expression of the ideological meanings of Nazi Germany today. However, in the modern reality, the semantic and axiological stability of such images is problematized. With the aim of strengthening the foundation of the cultural unity it was decided to legislatively negate the demonstration of Nazi symbols. However, despite the efforts of the legal nature to protect society from the restoration of the Nazi ideology, there is an issue of distribution of its elements in a variety of visual forms in the space of modern art and mass media. The greatest danger is artistic and image forms of hidden propaganda of Nazism, destructively influencing the basis of national cultural identity. Thus, the realities of the modern cultural world emphasize the problem of formation of a professional methodological program that allows one to work effectively with such materials. Public expectations in this case rest on cultural expertise. The aim of the article is an attempt to provide an analysis of certain forms of hidden propaganda of Nazism, which can provide theoretical and methodological assistance in the process of detecting them. In a series of such examples we have identified, firstly, creating neutral value-semantic conditions of demonstration of German propaganda art of the Third Reich; secondly, the one-sided flow of materials aimed at creating a "human face" of its leaders; thirdly, the inclusion of Nazi symbols and images in a completely foreign art system. In the three cases, the operating mechanism reanimating the propagandistic nature of the images is the strategy of minimization of techniques that form the interpretive context. Thus, we have to deal not with the direct dissemination of the ideology and policy of the Nazis, but with the phenomenon misleading the perception of the phenomenon of Nazism, which implicitly destroys the value paradigm of the national culture.

REFERENCES

1. Astafeva O.N. Restrukturizatsiya i demarkatsiya kollektivnykh identichnostey v usloviyakh globalizatsii: budushchee natsional'no-kul'turnoy identichnosti [Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2010, vol. IV, pp. 255–281.
2. Federal Law of May 19, 1995 no. 80-FZ "On perpetuation of victory in the Great Patriotic War of 1941-1945" (as amended and supplemented). Available from: <http://base.garant.ru/1518946>. (In Russian).
3. Sadokhin A.P. Theoretical and Methodological Resources of Cultural Expertise. *Kul'turologicheskiy zhurnal – Journal of Cultural Research*, 2012, no. 3 (9). Available from: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/148.html&j_id=11. (In Russian).
4. Krivich N.A. *Kul'turologicheskaya ekspertiza: teoreticheskie modeli i prakticheskiy opyt* [The cultural expert examination: theoretical models and practical experience]. St. Petersburg: Asterion Publ., 2011. 590 p.
5. *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 v.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969–1978. Available from: <http://slovari.yandex.ru>.
6. *Sovremennyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Modern Encyclopedic Dictionary]. Available from: <http://encyclopediaic.slovaronline.com>.
7. Pyrin A.G. Novye tendentsii v propagande fashizma [New trends in fascism propaganda]. *Vestnik rossiyanskogo filosofskogo obshchestva – Bulletin of the Russian Philosophical Society*, 2011, no. 3. Available from: <http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-3-59-2011>.
8. Zykun N. *Satiricheskie zhanry v zhanrovoy palitre zhurnalistiki: obobshchenie sovremennykh nauchnykh podkhodov* [Satirical genres in the genre palette of journalism: generalization of modern scientific approaches]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom* [Topical issues of modern media-linguistics and media criticism in Russia and abroad]. Belgorod: Konstanta, 2014, pp. 200–209.
9. Artemova E.A. *Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa*: dis. kand. filol. nauk [Caricature as a genre of political discourse. Philology Cand. Diss.]. Volgograd, 2002. 175 p.

Received: 12 February 2015